

УДК-321

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-151-160

«БОЛЬШИЕ СПОРЫ» О НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМЕ И ВОКРУГ НЕГО

И. В. Чайко

Чайко Игорь Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических институтов, процессов и технологий,
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия.
E-mail: ivchaiko@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1326-596X).

Аннотация

Главная проблема данного исследования – необходимость более полной концептуализации термина «неопатримониализм» как одной из категорий современной политической компаративистики. Для решения данной проблемы автор сформулировал ряд логически взаимообусловленных задач, связанных с анализом природы неопатримониализма и ее современных интерпретаций. Основную гипотезу исследования выражает тезис о том, что сложившиеся в современной науке подходы к осмыслению данного феномена не позволяют в полной мере раскрыть его специфическое содержание и осуществить демаркацию с другими близкими явлениями, такими как клиентелизм, патронаж, система личной власти и прочие. Основным путем решения этих проблем автор видит в обращении к научному наследию М. Вебера, что открывает возможности для реконструкции базовых идей и установок, принятых за основу при создании теории неопатримониализма. Для решения этих задач автор использует методы ретроспективного и дискурсивного анализа, метод деконструкции текстов, интерпретативный метод как способ формирования нового знания. Такой подход определил критический характер исследования, а также новизну полученных результатов. Одним из значимых выводов стало положение о важности харизматической составляющей в легитимации неопатримониальных систем, описываемых обычно как простое сочетание традиционного и рационально-легального компонентов. Такой подход позволил автору акцентировать внимание на особой роли «процедурных» факторов в функционировании неопатримониальных систем, что способствует повышению их общей эффективности и реализации более демократичной модели «регулируемого» неопатримониализма, гармонично сочетающей формальные и неформальные практики управления.

Ключевые слова: Макс Вебер; патримониализм; неопатримониализм; пребендализм; клиентелизм; легитимность; традиционализм; харизма; бюрократия.

Введение

«Большие споры» (англ. *Great Debates*) – так принято называть бурные дискуссии между сторонниками различных направлений в теории международных отношений – начались в 30-х гг. XX в. и не прекращаются по сей день (Weaver, 1996). Во многом схожая ситуация сложилась в современной политической компаративистике в связи с крахом парадигмы демократического «транзита», несостоятельность которой стала очевидной в начале 2000-х гг. (Carothers, 2002). Осознание данного факта побуждает исследователей обращаться к поиску иных теоретико-методологических средств, способных адекватно отразить современные политические реалии. Одно из них – теория неопатримониализма, выступающая в качестве научной альтернативы западному «девелопментализму» и разработанным в его рамках теориям демократизации (Huntington, 1991). Однако в российской научной библиографии термин «неопатримониализм», вплоть до начала 2010-х гг., встречался исключительно в работах А.А. Фисуна (Фисун, 2007). Только в последующее десятилетие ситуация в этой сфере существенно изменилась. За прошедшие годы вышли в свет публикации таких авторов, как В.Я. Гельман (Gel'man, 2021), Д.В. Ефременко (Ефременко, 2017), М.В. Ильин (Ilyin, 2015), К.В. Мельников (Мельников, 2018), Н.С. Розов (Розов, 2015) и ряд других. Свой посильный вклад в становление данного направления внес автор этой статьи (Чайко, 2016).

Тем не менее до настоящего времени в научной среде не сложилось единой трактовки термина «неопатримониализм». В этой связи возникает задача концептуализации и операционализации данного понятия, которое рискует превратиться в общую категорию, лишенную собственного содержания (Теобальд, 2007: 172). Этим определяется актуальность данного исследования, главную цель которого автор видит в более точном определении термина «неопатримониализм», его основных компонентов и специфических характеристик, а также в установлении границ данной категории и демаркации ее в отношении других, семантически близких явлений. Ключ к решению этих проблем, по мнению автора, необходимо искать в работах М. Вебера, научное наследие которого нередко остается за рамками современного политологического мейнстрима. В качестве основных методов исследования, используемых для доказательства данной гипотезы, выступают: ретроспективный анализ ключевых положений веберовской концепции легитимного господства; метод деконструкции, посредством которого анализируется внутренняя структура неопатримониальных систем; дискурсивный анализ, позволяющий оценить адекватность отражения веберовских идей в работах современных исследователей. Комплексное применение этой методологии определяет новизну данного исследования и его результатов, способствующих систематизации научных знаний в этой сфере и более полной концептуализации термина «неопатримониализм».

Природа неопатримониализма и его компоненты

Концептуализация предмета нашего исследования требует прежде всего четкого разграничения понятия «патримониализм» как одной из ключевых категорий политической теории Макса Вебера и производной от него словоформы «неопатримониализм», которая, хотя и считается «поствеберовским» изобретением (Erdmann, Engel, 2007: 104), генетически связана с разработанной немецким мыслителем типологией легитимного господства.

Концепция патримониализма изложена М. Вебером в фундаментальном труде «Хозяйство и общество», опубликованном вскоре после смерти ученого (Weber, 1922). В этой работе патримониализм (от лат. *patrimonium* – «наследство», «родовое имущество») выступает в качестве одного из подтипов традиционного господства – наряду с геронтократией, правлением старейшин и «первичным» патриархализмом. В зависимости от наличия культурных и институциональных ограничений М. Вебер различал: 1) «чистый» патримониализм, при котором власть господина ограничена культурной традицией; 2) «султанизм», основанный на свободном от традиционных ограничений произволе; 3) «сословный патримониализм», предполагающий наличие договорных отношений между господином и его министрами (Вебер, 2016: 254–275). Все эти разновидности патримониализма имеют собственную логику развития и могут породить другие формы господства, такие как цезаризм (нем. *Cäsarismus*), правление чиновников (нем. *Beamtenherrschaft*) или плебисцитарное господство (нем. *plebiszitäre Herrschaft*). И хотя сам Вебер не использует термин «неопатримониализм», возможность становления такой «превращенной» формы традиционных отношений в условиях капиталистического общества имплицитно присутствует в его работах (Илюн, 2015: 35). Специфику такой модели организации власти Вебер изложил в понятиях «пребендализм», «цезаризм», «патримониальный капитализм», «рента» и ряд других, уделив серьезное внимание толкованию этих терминов.

Одним из значимых компонентов этой модели выступает «пребендализм» (нем. *Präbendalismus*), который Вебер трактует как одну из форм феодальных (сеньор-вассальных) отношений, производную от «чистого» патримониализма. «Пребендой», или «бенефицием», согласно Веберу, считалось получение частными лицами доходных государственных должностей и возможностей различного рода сборов взамен на оказываемые ими услуги (Вебер, 2016: 242). С течением времени пребенды могли полностью апроприироваться чиновниками, вплоть до получения ими «права» продажи полученной должности либо передачи ее по наследству (Там же: 298).

Такие формы отношений были характерны для патримониального чиновничества прошлого, однако попытки возродить их «в преобразованном виде» нередки и в среде современной бюрократии (Вебер, 2019: 33). Это позволяет рассматривать пребендализм как особый случай патронажа, представляющего собой «партикуляристский способ распределения государственных ресурсов в обмен на политическую поддержку» (Medard, 1996: 88). В современную эпоху неопатримониальные практики получили широкое распространение во многих развивающихся странах, а на африканском континенте, по мнению ряда исследователей, стали едва ли не основным способом осуществления власти (Medard, 1982; Vach, 2011).

Прямым следствием этих процессов является становление описанных М. Вебером разновидностей «патримониального капитализма», которые могут быть основаны на откупе налогов и должностей, госпоставок и военных подрядов. Историческими примерами подобных систем, согласно Веберу, являлись европейские державы эпохи «просвещенного абсолютизма», а также Россия вплоть до революций 1917 г. (Вебер, 2016: 277–278).

Применительно к условиям современного индустриального общества концепцию «патримониального капитализма» активно развивают в своих работах Ж.-Ф. Медар (Medard, 1996), О. Шлюмберже (Schlumberger, 2008), Н. Робинсон (Robinson, 2013), которые фактически отождествляют «патримониальный капитализм» современной эпохи с понятием «неопатримониализм». Его главными отличиями от «традиционного» патримониализма, по мнению ученых, являются: 1) наличие легальных институтов, фактически отсутствующих в патримониальных системах; 2) наличие рационально организованной системы государственной службы и высокопрофессионального бюрократического аппарата; 3) транзакционный характер традиционных практик, которые не столь ярко выражены, как при «чистом» патримониализме; 4) сохранение формальных разграничений между частной и общественной сферами, что совершенно невозможно в условиях «чистого» патримониализма» (Sigman, Lindberg, 2017: 2).

Стабильность неопатримониальной системы, согласно Н. Робинсону, определяется наличием определенного баланса в распределении государственных ресурсов, направляемых на цели социального развития и удовлетворение запросов элитных групп (Robinson, 2013: 140). Достижение такого «эквилибриума» в соотношении общественных и частно-групповых интересов во многом зависит от позиции главы государства и его готовности выступить в роли общенационального лидера, способного консолидировать общество и ограничить эгоистические устремления элитных кланов. В работах М. Вебера подобная модель организации власти описывается как «цезаризм», под которым понимается производный от первичного патримониализма тип господства, занимающий «промежуточное» положение между султанизмом, основанном на произволе правителя, и плебисцитарной моделью правления (Вебер, 2016: 354).

Во многом созвучна этим идеям концепция «личного правления», разработанная рядом современных исследователей на основе анализа политической практики стран третьего мира. Одним из первых ее сформулировал в 60-х гг. XX в. Гюнтер Рот, который обратил внимание на устойчивое воспроизводство в постколониальных странах Африки дополитических, глубоко персонализированных форм организации власти, хотя поддерживавшая их традиционная легитимность здесь давно уже отсутствовала (Roth, 1968: 194–195). В результате он выделил два разных типа патримониализма, один из которых имеет традиционную природу, а другой, более современный, или неопатримониальный, основан на сочетании различных типов легитимности и предполагает широкое использование главой государства материальных стимулов для вознаграждения своих сторонников. Такие формы организации власти, по мнению Г. Рота, не следует путать с авторитаризмом, поскольку отдельные элементы «личного правления» характерны для различных государств, не исключая западные либеральные демократии (Теобальд, 2007: 167).

Вслед за Г. Ротом, особую роль характерных для многих развивающихся стран представлений о властной иерархии и их инструментальных «производных» подчеркивал Ш. Эйзенштадт, который впервые использовал в своих работах термин «неопатримониализм» (Eisenstadt, 1973). Устойчивость таких базовых культурных ориентаций, по мнению этого ученого, имеет следствием становление специфических моделей политической организации, при которых власть сосредоточена, как правило, в структурах исполнительной власти, внутри которой особую роль в развивающихся странах всегда играли армейские и бюрократические «клики». Принципиальное значение имело также указание Ш. Эйзенштадта на то, что возникающие в таких странах полуавторитарные режимы вовсе не являются некими «переходными» или «промежуточными», а выступают законченным результатом трансформационного процесса (Eisenstadt, 1973: 4–5).

Заметный вклад в разработку этих проблем внес также французский ученый Жан-Франсуа Медар, который впервые охарактеризовал неопатримониализм как «смешанный» тип политического господства, основанный на сочетании трех выделенных М. Вебером принципов легитимации власти – традиционного, харизматического, легального. Вместе с тем Медар обращает внимание на существенные различия исторического контента, в котором формировалась государственность европейских стран и других, «незападных» обществ. Так, например, он подчеркивал, что африканская государственность в большинстве случаев была привнесена извне, что лишает ее как традиционных, так и современных («рационально-легальных») оснований (Medard, 1996: 78).

В рамках такого подхода становление неопатримониальных систем не может быть представлено как «промежуточный» результат модернизации традиционных обществ, в культуре которых патриархальные обычаи сочетаются с современными ценностными установками и ориентациями (Almond, 1956: 400). С этих позиций феномен неопатримониализма описывает иную историческую ситуацию, связанную с отсутствием у отдельных обществ традиции государственности либо ее целенаправленным разрушением в ходе насильственной, «неорганичной» модернизации. Ярким примером такого рода следует считать Россию, где, начиная с реформ Петра I и вплоть до сталинской тоталитарной «контромодернизации», происходила жесточайшая ломка традиционной модели социально-политической организации, сопровождавшаяся внедрением чуждых национальной культуре политических институтов (Pipes, 1994). Во многом схожие процессы развивались в Китае, Иране и ряде других колониальных и полуколониальных стран, где с обретением государственного суверенитета остро встала проблема легитимации пришедших к власти политических сил и их харизматических лидеров (Bolesta, 2007). На это, в частности, обращают внимание С. Хэнсон и Дж. Копштейн (Hanson, Kopstein, 2021: 5), по мнению которых механизмы становления неопатримониальных систем наиболее полно описывает веберовская концепция «рутинизации» харизмы (Вебер, 2016: 283–292).

Генезис и специфика неопатримониальных систем

Согласно М. Веберу, «истинная» харизма недолговечна и в принципе чужда всякому рациональному хозяйствованию (Вебер, 2016: 252). Однако невнимание к вопросам хозяйственного управления чревато нарастанием экономических проблем и, соответственно, снижением уровня доверия к властям. По мере осознания этих угроз политическим руководством развивается процесс «рутинизации» харизмы, которая изменяет свой характер: она традиционализируется или рационализируется (легализуется), причем и то, и другое происходит одновременно, но в разных отношениях (Там же: 283–284). При этом в связи с необходимостью соблюдения определенных формальностей (инаугурация либо интронизация носителя харизмы) легитимность легко представляется как приобретенная посредством легальной процедуры. В этих условиях, как отмечал М. Вебер, «союз харизмы и традиции» становится наиболее предпочтительным, а во многих случаях – единственно возможным условием стабильного функционирования подобных систем (Вебер, 2019: 289–192).

Однако в современной научной литературе тиражируются очевидно упрощенные представления о сути неопатримониализма как о некоем сочетании двух (из множества) выделенных М. Вебером типов легитимного господства – патримониального и легально-рационального. Подобные дефиниции можно найти в работах многих известных исследователей, таких как М. Браттон и Н. ван де Валле (Bratton, Walle van de, 1997: 458), Д. Бах (Bach, 2011: 277), К. вон Соест (Soest, 2022: 145–146), Дж. Эрדманн и У. Энгель (Erdmann, Engel, 2007: 104–105).

Причины этой ситуации, на наш взгляд, заключаются в том, что теория неопатримониализма никогда не была оформлена как целостное учение, а ее основные положения изложены в работах отдельных авторов, акцентирующими внимание на различных аспектах изучаемого феномена (Medard, 1996: 78). Это неизбежно порождало «концептуальные натяжки» (Мельников, 2018), что, в свою очередь, побуждало авторов к некоторой редукции в целях операционализации термина «неопатримониализм» и сведения его содержания к ограниченному количеству составляющих, поддающихся эмпирическому исследованию.

Ярким примером моделирования такого «идеального типа» стала концепция М. Браттона и Н. ван де Валле (Bratton, Walle van de, 1997: 63–65), согласно которым типичными признаками неопатримониального правления являются:

- 1) «президентство», под которым понимается концентрация всей полноты государственной власти в руках одного лица;
- 2) «систематический клиентелизм» как способ сохранения власти посредством предоставления личных услуг определенным лицам взамен на их политическую поддержку;
- 3) использование государственных ресурсов в целях легитимации власти.

Эта трехчастная «формула» неопатримониализма не только получила широкую известность среди специалистов, но и стала основой для большинства эмпирических исследований, имеющих целью определить уровень неопатримониализации отдельных стран и влияние этого критерия на другие, зависимые переменные (уровень демократизации/автократизации режима, степень его экономической эффективности и др.). В качестве примеров таких компаративных исследований можно привести работы К. вон Соеста (Soest et al., 2011), Ф. Лангильде и С. Кнудсена (Langkilde, Knudsen, 2013),

Р. Сигман и С. Линдберга (Sigman, Lindberg, 2017), которые, однако, так и не смогли установить сколько-либо определенную взаимосвязь между неопатримониализмом и другими изучаемыми явлениями. В итоге исследователи вынуждены заявить «о непростой взаимосвязи между типом режима, исполнительной властью и неопатримониализмом» (Sigman, Lindberg, 2017: 14), а также признать несовершенство используемых ими методик (Soest, 2022).

Однако, на наш взгляд, причины такого разочарования никак не связаны с аналитическими возможностями неопатримониального подхода, который пользуется растущей популярностью среди исследователей. Суть проблемы состоит прежде всего в некритическом восприятии предложенной М. Браттоном и Н. ван де Валле «формулы» неопатримониализма, что ставит под сомнение достоверность полученных на ее основе результатов. На это, в частности, обращают внимание Дж. Эрдманн и У. Энгель, которые отмечают, что показатель «президентство» «указывает не на неопатримониализм, а на разновидность патримониализма... Другая проблема заключается в том, что недостаточно определена другая переменная – “использование государственных ресурсов для политической легитимации”. Это явление можно обнаружить при самых разных политических режимах»; сомнение вызывает и третий критерий – «клиентелизм», поскольку в аналитических целях следует проводить различие между клиентелизмом и патронажем (Erdmann, Engel, 2007: 107, 110).

Против отождествления неопатримониализма и клиентелизма решительно выступал Ж.-Ф. Медар, рассматривая такие практики как различные и даже конкурирующие между собой модели социально-политической организации (Medard, 1996: 88). При этом (вслед за Ш. Эйзенштадтом) Медар трактует неопатримониализм как вполне устойчивое, а не «переходное» состояние власти, складывающееся в условиях «недоразвитого государства» (англ. *underdeveloped state*) (Medard, 1982: 185). Такое состояние государственности, по мнению этого ученого, является главной причиной возникновения неопатримониальных структур, которые, по сути, подменяют и замещают собой административно-бюрократический аппарат. В то же время Медар подчеркивал, что неопатримониальные системы, несмотря на все присущие им проблемы, могут быть достаточно эффективными, поскольку предполагают: а) стимулирование экономического роста для получения прибыли; б) определенные способы извлечения этой прибыли; в) «рациональное политическое перераспределение прибыли с целью обеспечения политической поддержки». В этой связи Медар доказывал, что неопатримониализм можно интерпретировать не только как «провал государства», но и как способ адаптации различных стран к условиям современной (пост)индустриальной эпохи и вызовам глобализации (Medard, 1996: 94–95).

Неопатримониальный тренд в современном мире

В таком контексте обращают на себя внимание попытки некоторых исследователей охарактеризовать процесс «репатримониализации» ряда современных государств как общий глобальный тренд, пришедший в начале 2000-х гг. на смену описанной С. Хантингтоном третьей «волне» демократизации (Huntington, 1991). Так, например, С. Хэнсон и Дж. Копштейн утверждают, что главная тенденция современного политического развития заключается в охватившей весь мир «волне патримониализма, распространяющейся как в авторитарных, так и в демократических регионах» (Hanson, Kopstein, 2021: 2). Особое беспокойство этих авторов вызывает опасность «репатримониализации» таких государств, как Венгрия, Словакия, Чешская Республика, Турция, Израиль, а также США и Великобритания, где, по их мнению, в последние десятилетия активно развивались процессы персонализации власти политических лидеров, стремящихся поставить под свой контроль ключевые институты государства (Ibid.: 7–10).

Среди европейских лидеров эту (нео)патримониальную «волну» первым «оседлал» Сильвио Берлускони, четырежды возглавлявший правительство Италии в 1994–2011 гг. В одной коалиции с созданной им накануне парламентских выборов 1994 г. партией «Вперед, Италия!» объединились все ультранационалистические организации страны, такие как партия «Национальный альянс» (итал. *Alleanza Nazionale* – AN), сепаратистское движение «Лига Севера» (итал. *Lega Nord* – LN) и ряд других (Холодковский, 2015: 7–8). Главными программными ценностями своего движения С. Берлускони провозгласил веру в свободный рынок и предпринимательскую инициативу итальянцев. В то же время важное место в его политической риторике отводилось традиционным ценностям итальянской политической культуры, таким как социальный корпоративизм, уважение к церкви, вера в семью и в сильную личность, что нередко вызывало аналогии с французским голлизмом, аргентинским перонизмом и даже итальянским «дученизмом» образца 1920-х гг. (Friedman, 2015). На состоявшихся 27 марта 1994 г. общенациональных выборах возглавляемая С. Берлускони «правоцентристская» коалиция

«Полюс свобод» (итал. *Polo delle Libertà*) одержала убедительную победу, что позволило ее лидеру занять пост премьер-министра и сформировать новое правительство, ключевые посты в котором получили его друзья и сторонники. Как следствие, созданная С. Берлускони модель правления включала все непеременимые атрибуты неопатримониализма (Lezaar, 2020). Тем не менее в течение всего периода премьерства С. Берлускони Италия оставалась третьей крупнейшей экономикой в еврозоне, а возглавляемая им партия «Вперед, Италия!» на протяжении двух десятилетий играла ведущую роль в итальянской политике (Friedman, 2015: 110–132).

Однако феномен «берлусконизма» выходит далеко за национальные рамки. Так, например, известный американский политолог Роджер Коэн утверждает, что именно прецедент С. Берлускони имел следствием избрание в 2016 г. строительного магната Д. Трампа 45-м президентом США; при этом, согласно его точке зрения, «Америка созрела для Трампа так же, как Италия созрела для Берлускони»¹. На схожие черты итальянского «берлусконизма» и американского «трампизма» указывают и другие исследователи. Вместе с тем они подчеркивают, что эти политические феномены представляют собой достаточно противоречивую и неустойчивую «смесь» различных идеологических и стратегических установок. Так, например, американский социолог из Нью-Йоркского университета Джефф Гудвин (англ. *Jeff Goodwin*), характеризуя основные черты «трампизма», выделяет следующие его компоненты²:

- социальный консерватизм, проявляющийся в политике Трампа против абортот и политики гендерного разнообразия;
- неолиберальный капитализм, характеризующийся снижением налогов для богатых, дерегулированием экономики, повышением роли и влияния частного капитала;
- экономический и торговый протекционизм, предполагающий защиту американского рынка путем повышения пошлин и тарифов;
- нативизм в форме антииммигрантской риторики;
- «белый» национализм и идентичность.

Вместе с тем характерное для «трампизма» сочетание традиционалистских и модернистских установок явно противоречит утверждениям С. Хэнсона и Дж. Коппштейна о том, что он представляет собой исключительно «патримониальную реакцию» на вызовы неолиберальной глобализации. Гораздо более убедительной, на наш взгляд, является точка зрения, которую представляет профессор социологии из Калифорнийского университета в Беркли Дилан Джон Райли (англ. *Dylan Riley*). Проводя аналогии между Д. Трампом, С. Берлускони, В. Путиным и В. Орбаном, он, в частности, подчеркивает, что «Трамп может рассматриваться как “неопатримониальная” фигура, которая собирает вокруг себя неформальный круг последователей, обещая наградить их государственными милостями» (Райли, 2017: 23). Обоснованность такой характеристики, на наш взгляд, полностью подтверждают предвыборные слоганы Д. Трампа «America first!» и «MAGA» (англ. *Make America Great Again* – «Сделаем Америку снова великой»), которые, как заметил А. Дугин, полностью выражают суть массового запроса американцев, составляющих основу «трампизма» как социально-политического движения³. Все это дает основания говорить о том, что наблюдаемый в современном мире демократический «спад», рост «авторитарного популизма» и усиление позиций «правых» политических партий и движений следует рассматривать как частные проявления общей тенденции – масштабного неопатримониального тренда, возникшего в конце XX в. в качестве консервативной, национально окрашенной, партикуляристской альтернативы по отношению к ультралиберальному глобализму и плюралистической либеральной демократии. Вместе с тем научное осмысление данного феномена требует концептуализации самого термина «неопатримониализм», излишнее «растяжение» (англ. *stretching*) которого, как заметил М.В. Ильин, способствует превращению его в некое всеохватывающее и вместе с тем «неуловимое» понятие, ставшее предметом острых и малопродуктивных дебатов (Pyin, 2015: 31).

¹ Cohen, R. (2016) The Trump-Berlusconi Syndrome [online], *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/03/15/opinion/the-trump-berlusconi-syndrome.html?ysclid=m1xp5no4m2285088000> (accessed: 11 October 2025).

² Election 2020: How the Trump administration's roadblocks could cause problems for Biden [online], *CNN Politics*. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/11/09/politics/what-matters-november-9/index.html> (accessed: 18 October 2025).

³ Дугин, А. (2025) Трампизм как идеология [Электронный ресурс], *Катехон*. URL: <https://katehon.com/ru/article/trampizm-kak-ideologiya> (дата обращения: 19 October 2025).

Заключение

В целом представленный нами анализ позволяет сделать ряд значимых выводов. Прежде всего результаты исследования полностью подтверждают гипотезу о том, что основные характеристики неопатримониализма как определенного политического и экономического феномена имплицитно присутствуют в теоретических построениях М. Вебера. И хотя сам Вебер не использует данный термин, специфика неопатримониальных отношений раскрывается в его работах посредством понятий «пребендализм», «цезаризм», «рента», «патримониальный капитализм» и ряд других. Соответственно, данные явления следует рассматривать в качестве неотъемлемых составляющих неопатримониализма, что позволяет провести линии демаркации между данным феноменом и другими схожими явлениями, такими как патримониализм, клиентелизм, nepotизм, коррупция и прочие.

Генезис подобной системы властных отношений М. Вебер связывал с процессом «рутинизации» харизмы, развивающимся одновременно в двух направлениях – традиционализации (патримониализации) и рационализации (легализации) власти и ее носителей. Главным результатом этих процессов является бюрократизация созданных при харизматическом лидере управленческих структур, в деятельности которых неформальные партикуляристские практики постепенно дополняются универсальными нормами и правилами, имеющими правовой либо традиционный характер. Таким образом, происходит институционализация новой системы отношений, в рамках которой различные типы легитимности взаимно дополняют друг друга.

Такое понимание природы неопатримониализма и механизмов его генезиса ставит под сомнение обоснованность существующих дефиниций, согласно которым данный феномен трактуется как простое сочетание традиционных и современных (рационально-легальных) практик управления, возможное только в условиях автократических либо «гибридных» режимов. Напротив, данные эмпирических исследований свидетельствуют о том, что отдельные элементы неопатримониальных отношений, выражаемые в понятиях «личное правление», «политический патронаж», «nepotизм», «коррупция» и прочие, характерны для многих стран Запада, не исключая США, Италию, Великобританию и ряд других. В таком контексте абсолютно бесперспективными представляются попытки некоторых исследователей эмпирически измерить на основе субъективно избранных критериев уровни неопатримониализации отдельных стран и непременно сопоставить их с тем или иным типом политических режимов. Более актуальной задачей, на наш взгляд, является сравнительное изучение институциональных, социокультурных и иных условий, препятствующих утверждению откровенно «хищнических» форм неопатримониального правления и способствующих становлению более открытых и эффективных форм «регулируемого» неопатримониализма, создающих широкие возможности для достижения общественно-политического и экономического прогресса.

В целом, по мнению автора, результаты этого исследования могут служить определенным вкладом в решение проблемы концептуализации понятия «неопатримониализм», что должно придать более конкретное и объективное содержание научной (и околонаучной) полемике, вызванной необходимостью теоретического осмысления и эмпирического изучения данного общественного феномена.

Список литературы / References

- Вебер, М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*: в 4 т. Пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина (Том I. Социология). Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 445 с. [Weber, M. (2016) *Economy and Society: Essays on Understanding sociology* [Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii], in 4 vol., transl. from German; comp., general edit. and preface by Ionin, L.G. Vol. I, Sociology, Moscow: HSE Publ, 445 p. (In Russ.)].
- Вебер, М. (2019) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*: в 4 т. Пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина (Том IV. Господство). Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 542 с. [Weber, M. (2019) *Economy and Society: Essays on Understanding sociology* [Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii], in 4 vol., transl. from German; comp., general edit. and preface by Ionin, L. G. Vol. IV, Domination, Moscow: HSE Publ., 542 p. (In Russ.)].
- Ефременко, Д. В. (2017) 'Обживая руины советской системы: к вопросу о российском неопатримониализме', *Политическая наука*, 3, сс. 58–79. [Efremenko, D.V.

- (2017) 'Inhabiting the Ruins of the Soviet System: on the Question of Russian Neopatrimonialism' [Obzhivaja ruiny sovetsoj sistemy: k voprosu o rossijskom neopatrimonializme], *Political Science*, 3, pp. 58–79. (In Russ.). EDN: ZRCDVB
- Мельников, К. В. (2018) 'Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 68–81, DOI: 10.17976/jpps/2018.02.06 [Mel'nikov, K. V. (2018) 'Neopatrimonialism: classification as a way to overcome conceptual tensions', [Neopatrimonializm: klassifikacija kak sposob preodolenija konceptnyh natjazhek], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 68–81. (In Russ.). EDN: YTZLVD
- Райли, Д. (2017) 'Американский брюмер?', *Глобальный диалог*, 4, сс. 21–23 [Riley, D. (2017) 'American Brumaire?' *Global Dialogue*, 4, pp. 21–23. (In Russ.)].
- Розов, Н. С. (2015) 'Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 157–172, DOI: 10.17976/jpps/2015.06.15 [Rozov, N. S. (2015) 'Theory of transformation of political regimes and the nature of neopatrimonialism' [Teorija transformacii politicheskikh rezhimov i priroda neopatrimonializma], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 157–172. (In Russ.). EDN: UOHVAN
- Теобальд, Р. (2007) 'Патримониализм'; пер. с англ. А. Фисуна, *Прогнозис*, 2, сс. 166–176. [Theobald, R. (2007) 'Patrimonialism' [Patrimonializm]; transl. from En. by A. Fisun, *Prognosis*, 2, pp. 166–176. (In Russ.)].
- Фисун, А. (2007) 'Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология', *Отечественные записки*, 6, сс. 8–28. [Fisun, A. (2007) 'Post-Soviet neopatrimonial regimes: genesis, features, typology' [Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhimy: genezis, osobennosti, tipologija], *Otechestvennye zapiski*, 6, pp. 8–28. (In Russ.)].
- Холодковский, К. Г. (2015) 'Социально-политические основы Второй Республики', в: Маслова Е.А. (ред.) *Италия: от Второй Республики к Третейей?*. Москва: Институт Европы РАН, сс. 7–10. [Holodkovskij, K. G. (2015) 'Socio-political Foundations of the Second Republic' [Social'no-politicheskie osnovy Vtoroj Respubliki], in: Maslova E.A. (ed.) *Italy: from the Second Republic to the Third?* [Italija: ot Vtoroj Respubliki k Tret'ejey?] Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, pp. 7–10. (In Russ.)].
- Чайко, И. В. (2016) 'Динамика социальных изменений в современном мире в свете концепции патримониализма М. Вебера', *Вестник московской международной академии*, 1, сс. 194–199. [Chaiko, I. V. (2016) 'Dynamics of social Changes in the modern world in the light of M. Weber's Concept of Patrimonialism' [Dinamika social'nyh izmenenij v sovremennom mire v svete koncepcii patrimonializma M. Vebera], *Vestnik moskovskoj mezhdunarodnoj akademii*, 1, сс. 194–199. (In Russ.). EDN: XILXOP
- Almond, G. A. (1956) 'Comparative Political Systems', *The Journal of Politics*, 18(3), pp. 391–409.
- Bach, D. (2011) 'Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings', *Commonwealth and Comparative Politics*, 49(3), pp. 275–294, DOI: 10.1080/14662043.2011.582731
- Bolesta, A. (2007) 'China as a Developmental State', *Montenegrin Journal of Economics*, 5, pp. 105–112, DOI:10.1332/policypress/9781447321507.003.0002
- Bratton, M., and van de Walle, N. (1997) *Democratic Experiments in Africa. Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 330 p.
- Carothers, T. (2002) 'The End of the Transition Paradigm', *Journal of Democracy*, 13(1), pp. 5–21.
- Eisenstadt, S. N. (1973) *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. London; Beverly Hills, 95 p.
- Erdmann, G., and Engel, U. (2007) 'Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept', *Commonwealth and Comparative Politics*, 45(1), pp. 95–119, DOI: 10.1080/14662040601135813
- Friedman, A. (2015) *Berlusconi. The epic story of the billionaire who took over Italy*. New York: Hachette Books, 304 p.
- Gel'man, V. (2021) 'Constitution, authoritarianism, and bad governance: the case of Russia', *Russian Politics*, 6(1), pp. 71–90, DOI: 10.30965/24518921-00601005

- Hanson, S. E., and Kopstein, J. S. (2021) 'Understanding the Global Patrimonial Wave', *Perspectives on Politics*, 20(1), pp. 1–13, DOI: 10.1017/S1537592721001195
- Huntington, S. P. (1991) *The Third wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. London: Norman, 366 p.
- Ilyin, M. (2015) 'Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword?' *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*, 18(1), pp. 26–51, DOI: 10.7227/R.18.1.3
- Langkilde, F., and Knudsen, S. (2013) *Opening the black box: Neopatrimonialism in Sub-Saharan Africa*. Denmark, Aarhus: Aarhus University Press, 23 p.
- Lezaar, M. (2020) *Neo-patrimonial regimes in Africa and the rest of the world and their economic repercussions. A comparison*. Princeton: Academic Paper, 26 p.
- Medard, J. F. (1996) 'Patrimonialism, Patrimonialization, Neo-Patrimonialism and the Study of the Post-Colonial state in Subsaharian Africa', in: Marcussen, H. S. (ed.) *Improved Natural Resources Management: the Role of Formal Organizations and Informal Networks and Institutions. Occasional Paper, 17*. Denmark, Roskilde: Roskilde University Press, pp. 76–97.
- Medard, J. F. (1982) 'The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or NeoPatrimonialism' in Clapham, C. (ed.). *Private Patronage and Public Power*. London: Frances Pinter, pp. 162–192.
- Pipes, R. (1994) *Russia under the Bolshevik regime*. New York: Vintage Books, 587 p.
- Robinson, N. (2013) 'Economic and political hybridity: Patrimonial capitalism in the post-Soviet sphere', *Journal of Eurasian Studies*, 4(2), pp. 136–145, DOI: 10.1016/j.euras.2013.03.003
- Roth, G. (1968) 'Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States', *World Politics*, 20(2), pp. 194–206.
- Schlumberger, O. (2008) 'Structural reform, economic order, and development: patrimonial capitalism', *Review of International Political Economy*, 15(4), pp. 622–649, DOI:10.1080/09692290802260670
- Sigman, R., and Lindberg, S. (2017) 'Neopatrimonialism and Democracy: An Empirical Investigation of Africa's Political Regimes', *The varieties of democracy institute Working Paper*, 56, pp. 1–25, DOI: 10.2139/ssrn.3066654
- Soest, C. von. (2022) 'Neopatrimonialism: a critical assessment' in Hout, W. and Hutchinson, J. (eds.) *Elgar Handbook on Governance and Development*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 145-159, DOI: 10.4337/9781789908756.00019
- Soest, C. von, Bechle K. and N. Korte (2011) 'How Neopatrimonialism Affects Tax Administration: A Comparative Study of Three World Regions', *GIGA Working Papers*, 172, pp. 1–27.
- Waever, O. (1996). 'The rise and fall of the inter-paradigm debate' in Smith, S., Booth, K. and Zalewski, M. (eds.) *International theory: Positivism and beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 149–185, DOI: 10.1017/CBO9780511660054.009
- Weber, M. (1922) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. III. revidierte Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 30.10.2025

Статья принята к печати: 15.01.2026

THE “GREAT DEBATES” AROUND NEOPATRIMONIALISM AND BEYOND

I. Chaiko

Igor Chaiko, Candidate of Sciences (In Politics), Associate Professor of the Department of Socio-Political Institutions, Processes and Technologies,
Russian State Social University, Moscow, Russia.
E-mail: ivchaiko@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1326-596X).

Abstract

The main problem of the research is the need for a more complete conceptualization of the term "neopatrimonialism" as one of the categories of political science. To solve this problem, the author has identified a number of tasks related to the analysis of the nature of neopatrimonialism. The main hypothesis is expressed by the thesis that existing scientific approaches to the study of this phenomenon do not allow us to fully reveal its specific content. It is also an urgent task to demarcate the terms "neopatrimonialism", "clientelism", "patronage", and a number of others. The author associates the solution of these problems with an appeal to the works of M. Weber and the reconstruction of the basic attitudes that became the basis of the theory of neopatrimonialism. For these purposes, the author uses the methods of retrospective and discursive analysis, the method of deconstruction of texts, and the interpretative method as a way of forming new knowledge. One of the significant conclusions was the statement about the important role of the charismatic component in the legitimization of neopatrimonial systems, usually described as a simple combination of traditional and rational-legal components.

Keywords: Max Weber; patrimonialism; neopatrimonialism; prebendalism; clientelism; legitimacy; traditionalism; charisma; bureaucracy.